

Сотрудник особой важности

Попытка рейдерского захвата «Тверьстеклопластика», финансовые махинации со средствами Дорожного фонда, заказное убийство тверского нотариуса и целый ряд других преступлений, потрясших все Верхневолжье, — все это сенсации только для жителей региона. Для отдела по расследованию особо важных дел СУ СКР по Тверской области — это ежедневная и кропотливая работа. Руководитель отдела Алексей МАРЧЕНКО в эксклюзивном интервью нашему еженедельнику рассказал о том, как она выстраивается и почему некоторым его подчиненным приходится увольняться

— Алексей Геннадьевич, для начала хотелось бы определиться с терминологией. Насколько нам известно, в Уголовно-процессуальном кодексе нет четкого определения того, какие дела относятся к категории особо важных. С расследованием каких преступлений вам приходится иметь дело?

— Вы правы: четкой трактовки законодательство не дает, но то, какие дела относятся к категории особо важных, по большому счету, понятно из самого названия. Это прежде всего многоэпизодные дела, по которым привлекается большое количество подозреваемых, это преступления, совершенные в отношении малолетних, коррупционные дела и мошенничества в финансово-бюджетной сфере. Кроме того, на отнесение дел к категории особо важных влияет сложность доказывания, масштабы ущерба и статус обвиняемых лиц. Условно говоря, дело в отношении лесничего, который за пару сотен рублей или за бутылку водки разрешил срубить несколько деревьев, расследуем не мы. Если же речь идет о нескольких гектарах незаконной вырубки леса, то тот же лесничий уже будет нашим подследственным.

— А если говорить более предметно, не могли бы вы привести пример того, какие преступления ваш отдел расследует на данный момент?

— Из «свежих» могу выделить перешедшее к нам дело, которое буквально на днях было возбуждено Конаковским следственным отделом в отношении пятерых сотрудников ДПС. Они скрывали факты дорожно-транспортных происшествий, произошедших на подведомственном им участке. Мотив подозреваемых пока до конца не ясен, но не исключено, что они преследовали личную выгоду: за допущение любого ДТП их лишали премий и продвижения по службе. Фактов сокрытия происшествий было достаточно много, но попались они, когда большегруз сбил насмерть человека, однако сотрудники ДПС представили это как суицид. Еще одно громкое дело, которое мы сейчас готовим передать в суд, касается мошеннических действий при реконструкции стадиона «Центральный» в Твери. Напомним, на стади-

оне должна была быть полностью заменена инфраструктура, но путем заключения фиктивных договоров субподряда с фирмами-однодневками в Москве, Санкт-Петербурге и других городах мошенникам удалось присвоить свыше 50 млн рублей бюджетных средств. Естественно, никаких работ на объекте произведено не было. Сейчас по уголовному делу в качестве обвиняемых проходят двое лиц, а в отношении третьей обвиняемой дело выделено в отдельное производство, поскольку она скрывается в Хорватии. Ее адвокаты добились, чтобы международный розыск с нее был снят, а мера пресечения заменена с содержания под стражей на залог в 5 млн рублей. Сейчас мы инициировали процедуру экстрадиции и надеемся завершить это дело в ближайшее время.

— Согласно законодательству, сроки уголовного производства составляют 2 месяца. Это вообще реально — раскрыть преступление за считанные дни?

— Если касаться только наших дел, то завершить их в двухмесячный срок — это, скорее, из области фантастики. Мы имеем право его продлевать, чем нередко приходится пользоваться. В частности, на данный момент в нашем отделе находится четыре дела, над которыми мы работаем уже больше года. Могу сказать, что не только наш отдел, но и, пожалуй, все наши коллеги в Тверской области и за ее пределами являются заложниками длительных расследований. Ведь для того чтобы собрать достаточную доказательную базу, нужно не просто работать с документами, но и допрашивать всех свидетелей, потерпевших, проводить выемки, обыски, причем нередко сразу в нескольких регионах.

И, конечно же, знакомить с материалами уголовных дел обвиняемых, которых может быть сразу несколько человек. К примеру, сейчас мы завершаем расследование серии преступлений, по которым в качестве обвиняемых привлекаются 32 человека.

— То есть речь идет о целом преступном сообществе — по какой статье будет предъявлено обвинение фигурантам этого дела?

— Это достаточно давняя история. Все началось с возбуждения уголовного дела сотрудниками полиции по факту организации проституции. На территории города и Калининского района существовали целые бригады так называемых сутенеров, которые вовлекли в занятие проституцией в том числе и двоих несовершеннолетних. Сама по себе организация не столь жестко наказывается, но в процессе расследования выявились и сопутствующие составы преступлений — изнасилования, похищения людей, проверка и возможность торговли людьми. Сейчас собираемся направить дело в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения, а месяц назад возбудили уголовное дело в отношении неустановленного круга лиц — сотрудников милиции, которые покрывали и, скажем так, крышевали преступную группу.

— Среди подобных «долгоиграющих» дел на вашем счету числится, в частности, расследование попытки рейдерского захвата ОАО «Тверьстеклопластик». Насколько часто вам приходится сталкиваться с подобными экономическими преступлениями? Или же рейдерские захваты ушли в прошлое?

Алексей МАРЧЕНКО, руководитель отдела по расследованию особо важных дел СУ СКР по Тверской области, подполковник юстиции:

— Можно, конечно, говорить о том, что сотрудники правоохранительных органов и должны быть лишены эмоций, бороться с преступностью с холодной головой. Но жестокосердный человек не способен быть хорошим психологом — он может только как робот заполнять бумажки, а значит, профессионалом в нашем деле он не станет никогда.

— Они никуда не делись, просто в 1990-е приезжала группа людей с автоматами, выгоняла директоров, бухгалтеров и меняла охрану, а только потом документально, через суд, обеспечивала смену собственников. Теперь подобное проходит намного тише. Взять тот же «Стеклопластик»: начиналось все с информационной войны, появлялись заказные статьи в прессе о том, что управление предприятием неэффективно, потом подавались иски в суд, выносились незаконные судебные решения... Словом, рейдерство живет и будет жить, трансформируясь в более изощренные пути и способы захвата. Но здесь есть небольшая нюанс. Дело в том, что по уголовной статье «Рейдерство» в целом по России за 20 лет возбуждено не более 10 дел. Зачастую преступления, имеющие все признаки рейдерства, квалифицируются как мошенничество.

— То же самое касается, например, деятельности нечистых на руку управляющих компаний и ТСЖ: по сути, их руководителям надо предъявлять обвинение в превышении должностных полномочий или том же мошенничестве. Но, как правило, в таких случаях расследуется присвоение или растрата денежных средств, доказывать которые легче и наказание за которые мягче... Почему так происходит?

— Хотелось бы привести другой пример: в свое время, когда я работал заместителем прокурора Московского района и осуществлял надзор за деятельностью милиции, то буквально заставил возбудить дело об организации незаконной миграции. В Перемерках один деятель, выходец из Азербайджана, стал привлекать земляков для работы в своем кондитер-

ском цехе: привозил их на автобусах, расселял в этом же цехе. Можно сказать, что Тверь в данном отношении была в числе первопроходцев — до этого в стране по данной статье было всего три уголовных производства. Хотя на каждой второй подобной стройке можно наблюдать аналогичную картину. Мне, честно говоря, непонятно, почему никто не хочет этим заниматься, даже несмотря на то, что там доказывать особо нечего. В нашем случае на расследование дела ушло не более месяца.

— Сотрудников отделов по расследованию особо важных дел называют элитой среди следователей. Действительно ли вам и вашим подчиненным приходится быть «универсальными солдатами», расследуя преступления совершенно разных категорий. Существуют ли какие-нибудь критерии при подборе кадров в отдел?

— Самое главное требование — это опыт работы следователем. К примеру, сейчас самый молодой из моих подчиненных имеет стаж 3 года. А в целом главное, чтобы человек имел желание работать и понимал специфику. Раньше считалось, что у нас только две настольные книги — Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Но, работая в отделе по расследованию особо важных дел, надо знать и бюджетное, и налоговое законодательство, нормативно-правовые документы. Одно дело расследовать убийство, где есть труп, и мы работаем с материальными следами преступления. И совсем другое, когда речь идет о должностном преступлении, когда на поверхности ничего не лежит, когда мы должны проводить серьезный анализ документов, длительные допросы, экспертизы и т.п.

— Следуя вашей логике, получается, что расследовать преступления против личности легче, чем, например, экономические. Но, согласитесь, когда речь идет об убийствах, изнасилованиях и т.д., вашим сотрудникам намного тяжелее хотя бы с точки зрения эмоционального состояния. Или всем удается сохранять хладнокровие?

— Во-первых, все же понимают, на какую работу идут. Конечно, бывали случаи, когда люди, видя все связанные с убийствами ужасы, спивались или потихоньку сходили с ума. Некоторые увольнялись: в районах, кстати, до сих пор очень большая текучка кадров, следователи просто не выдерживают. Есть и такие, кто со временем черствеет сердцем и становится безразличным к чужой боли. Можно, конечно, говорить о том, что сотрудники правоохранительных органов и должны быть лишены эмоций, бороться с преступностью с холодной головой. Но жестокосердный человек не способен быть хорошим психологом — он может только как робот заполнять бумажки, а значит, профессионалом в нашем деле он не станет никогда.

Беседовала
Елена ЛАЗУТКИНА